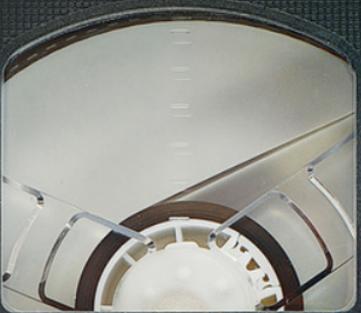

Insert this side into recorder

Do not touch the tape inside

VHS

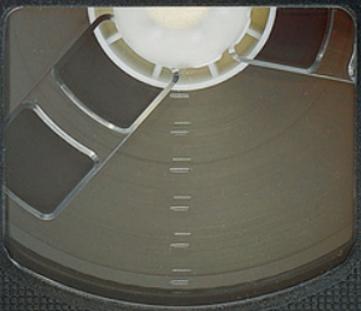
videocassette

This side in

Эризабер Махиятл

9 С ПОЛОВИНОЙ НЕДЕЛЬ

- Only one side of the video cassette can be used.
- Removal of the safety tab will prevent accidental erasure.

18+

Элизабет Макнил
Девять с половиной недель
Серия «Девять с половиной недель»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10215299

Девять с половиной недель / Элизабет МакНилл ; [пер. с англ. Ю.А.

Милоградской]; Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80022-3

Аннотация

Те самые «Девять с половиной недель»!

Культовый роман о любви, наваждении, порочной страсти и подчинении.

После случайной роковой встречи виртуозный соблазнитель втягивает свою возлюбленную в опасную и чувственную любовную игру, которая заставит ее отказаться от прежних жизненных принципов и поможет открыть новые грани запретных удовольствий.

Как далеко она сможет зайти, если готова ради него на все?

Содержание

Предисловие	5
9½ недель	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Элизабет Макнилл

Девять с половиной недель

Elizabeth McNeill

Nine and a Half Weeks: A Memoir of a Love Affair

Copyright © 1978 by Elizabeth McNeill. All rights reserved.

Introduction copyright © 2005 by Francine Prose.

All rights reserved.

© Милоградова Ю. А., перевод на русский язык,
2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Предисловие

«Мы с ним занимались любовью впервые, и он крепко держал мои руки над головой».

Мы, не медля, переходим к делу. Все разрешается оперативно и ловко, стадия исследования заканчивается сразу, как только завершена первая фраза романа. Мы, подобно рассказчику, знаем, каков будет финал истории. Ее будущее еще не до конца просматривается, но интуиция подсказывает, что добром это не кончится.

Смутное предчувствие набирает силу вместе с просыпающимся интересом и приятным чувством возбуждения, и наша героиня считает ступени, по которым взбирается ее накаляющийся роман. В следующий раз, когда она и ее любовник будут вместе, он попросит разрешения завязать ей глаза шарфом. На третий – доведет до оргазма и заставит умолять о большем. В четвертый раз тем же самым шарфом свяжет ей руки. «В то утро он прислал тринадцать роз ко мне в офис». Завершается эта краткая, словно телеграмма, прелюдия, но мы, как и рассказчица, уже не можем выбраться и спрашиваем себя, насколько далеко это пойдет и насколько откровенна она будет с нами.

Прошло почти 30 лет с момента первой публикации мемуаров под названием «Девять с половиной недель». Автор взяла себе псевдоним Элизабет МакНилл.

Книга вызвала невероятную шумиху, чего никак нельзя было ожидать, учитывая, что так называемая сексуальная революция совершилась уже давно.

Появление книги спровоцировало ударную волну – вероятно, потому, что граница между порнографией и привычной мемуарной литературой здесь явно была размытой. Лишь за последние десять лет писатели обоих полов начали соперничать друг с другом в определении пределов допустимого. Они норовили повысить ставки в саморазоблачении – исповедуясь читателю в интимных подробностях: инцест, насилие в детстве, необычные формы секса.

Прежде, конечно, тоже выходили откровенные книги. Некоторые произведения Генри Миллера, романы Джойса и Набокова вызвали скандалы, завершившиеся обвинением в непристойности. А еще Фрэнк Харрис и его друзья-мемуаристы, рассказывавшие о сокровенных аспектах жизни... Но те писатели были мужчинами (и это следует выделить особо). Правда, выходили и разрекламированные женские признания вроде «Веселой шлюшки» Ксавьеры Холландер, литературной порнографии «История О» и дневников Анаис Нин, в которых она вспоминает свои романы с убедительным лиризмом, который лишь немногие могли бы назвать эротикой. И опять же, повествование Нин создавало у читателя ясное ощущение, что в ее жизни есть множество вещей, которые значат для нее гораздо больше, чем секс: занятия психоанализом, брак с литературным агентом, писательство!

Автор же «Девяти с половиной недель» целиком сосредоточена на том, что происходит между женщиной и мужчиной, и преимущественно – в постели. Происходит на протяжении примерно двух месяцев, когда все остальное перестает иметь всякое значение. Она была написана женщиной (или с полным правом претендовала на это), однако автора можно назвать кем угодно, но только не «веселой шлюшкой». И, как и в случае с «Книгой Генри Роббинса», в выходных данных значилось имя авторитетного издательства, печатавшего Джона Ирвинга, Джойс Кэрол Оутс и Исаака Башевиса-Зингера.

Однако славе романа еще больше способствовало то обстоятельство, что он вышел в конце эпохи, ознаменовавшейся борьбой феминисток за контроль, власть, самостоятельность, самореализацию женщин. От всех этих феминистских благ рассказчица «Девяти с половиной недель» с радостью отказывается, отваживаясь на роман с человеком, которого встречает на манхэттенской барахолке. Ирония становится тем острее, что социальное положение этой Новой Женщины, казалось бы, олицетворяет все преимущества, отвоєванные ее «сестрами». И она наслаждается этими преимуществами. Она – «эффектная бизнесвумен, которую любят друзья и ценит начальство», у нее есть клиенты, у нее есть обязательства, и «собственный портфель, и летняя сумочка, и каблуки, и блеск для губ, и свежая укладка». Она получила хорошее образование, много путешествовала, и, что ка-

сается секса, ее можно назвать искушенной. Одним словом, она одарена возможностями, которыми нынче пользуется молодая, незамужняя, работающая женщина среднего уровня дохода в Нью-Йорке. И к чему же, как оказалось, она стремится? Встретив своего прекрасного принца, она неожиданно обнаруживает, к собственному удивлению, что отчаянно хочет, чтобы ее связали, избili и унизили, обращались с ней, как с беспомощным ребенком, который не способен удовлетворить свои первичные потребности.

В разделе, который обобщает оказавшиеся наиболее невинными аспекты взаимоотношений, МакНилл разъясняет подход этой пары к вопросу о разделении труда. Под заголовком «Что делал он» она сообщает: Он «кормил меня. Он покупал еду, всегда готовил сам и всегда сам мыл посуду». Он одевал и раздевал ее, носил обувь в ремонт, читал ей, мыл, сушил и расчесывал волосы дорогой расческой, которой позже избивал ее, покупал и вставлял тампоны, мыл в ванной, снимал макияж. А в главе «Что делала я» одно слово – «ничего». Но, как выяснится вскоре, это не совсем правда. Она делала больше, чем «ничего». Она ползала по полу, принимала вызывающие позы на матрасах в магазине мебели и, переодетая мужчиной, приставляла нож к горлу незнакомца просто потому, что ее любовник приказал это сделать. И все это время она упивалась своей двойной жизнью: «Мой дневной распорядок оставался прежним: я была независимой женщиной, сама зарабатывала себе на жизнь...

принимала решения, самостоятельно делала выбор. Но ночные правила гласили: я беспомощна, зависима, неспособна обслуживать себя. От меня не ждали никаких решений, на мне не лежало никакой ответственности. Выбора у меня не было».

«И это было восхитительно».

Революционной (или контрреволюционной, смотря с какой стороны смотреть) книгу «Девять с половиной недель» сделала уверенность автора, подкрепленная, казалось, собственным опытом, в том, что в некоторых обстоятельствах, для некоторых типов личности секс – это козырь, который бьет не только политические соображения, но и всё остальное.

* * *

Прошла четверть века, и мы привыкли читать мемуары, где описаны ужасы притеснений, которые беззащитные терпят от наделенных властью. Нам пришлось признать, что эмоции и чувственность ведут двойную игру с нашими принципами и эстетическими убеждениями. Фетишистские атрибуты садомазохизма вышли из сексуального подполья на глянцевые страницы журналов о высокой моде. Можно лишь надеяться, что книга МакНилл уже пережила тот период, когда ассоциировалась исключительно с порочащим оригинал, низкопробным фильмом с Микки Рурком и Ким Бей-

сингер. У книги нет с ним ничего общего, кроме названия да отдаленно схожего сюжета. Очевидно, с годами многое изменилось. Тогда почему история садомазохистских отношений двух взрослых людей, добровольно вступивших в них, по-прежнему сохраняет свою актуальность, выводит из равновесия и волнует нас?

Я могла бы поспорить, что книга обязана этим мастерству автора – обманчивой легкости, с которой она сочетает приемы художественной прозы и убедительность личного дневника. Книга была опубликована всего два года спустя после того, как рассказ Раймонда Карвера «Не будете так добры помолчать?» ввел новую манеру повествования – короткие, сжатые предложения в настоящем времени, характерные для стиля, который позже назовут минимализмом. И этот стиль, эту манеру использует МакНилл в своих мемуарах. Они появились за девять лет до того, как Джей Маккинерни в книге «Яркие огни, большой город» воспользовался тем же методом, чтобы передать ритм и атмосферу враждебного человеку мегаполиса, но это (если убрать наркотики и ночную жизнь) и есть та социальная среда, в которой вращаются герои МакНилл. Книгу «Девять с половиной недель» – сдержанную, отрывистую, ясную – можно назвать едва ли не первыми мемуарами в стиле минимализма. В отличие от множества писателей своей эпохи, чьи произведения полнятся меланхолическим ощущением безответной жажды романтики, МакНилл понимала, что Эрос гораз-

до более настойчиво взывает к нашему вниманию.

Что касается языка книги, автор отказывается от прерывистого дыхания дамских романов, фальшивого лиризма романтической литературы, комичных клише порнографии. Описание ощущений и чувств дается будничным тоном, в едва ли не журналистской манере, как если бы репортер стремился придерживаться фактов, реальных событий, откровенно рассказывая о случившемся.

Эта книга – образец для подражания в искусстве утаивания информации. То, что нам известно о любовнике, – предельно общие сведения, как в каталоге мужской одежды: цвета, стили, край его рубашек и брюк, – все, что она выясняет во время первой попытки обыскать его спальню. Мы не знаем его имени, он всегда обозначен местоимением – «он», как если бы на свете существовал один «Он». Иными словами, как если бы он был единственным мужчиной в мире. Мы узнаем, что ее почти заброшенная квартира, набитая сувенирами и памятными вещичками, напоминает склад, хранящий обломки непростого прошлого. А ее совместная жизнь с ним, сконцентрированная исключительно на сексе и садомазохизме, остается такой же безликой и бесцветной, как обстановка его дома. Его отношения с друзьями покрыты тайной, чуть ли не зловещей. А ее подруга, с которой рассказчица совершила судьбоносную прогулку на барахолку, исчезает со страниц книги, стоит только появиться любовнику.

Нам известно, *что* он готовит, читает, где покупает одежду, но ни слова о работе каждого из них, об их прошлом, о погоде (кроме того, что дело происходит летом) или жизни города, которая, наверно, идет своим чередом. Нет ни осуждения, ни рефлексии, ни поисков смысла или причин, ни размышлений (героиня не дает никаких оценок своему положению), и совершенно отсутствуют дилетантские выводы и обычные в таких случаях гипотезы о том, какие детские травмы и ранний опыт побудил их вступить в подобные отношения. МакНилл не считает нужным соглашаться с благоразумными доводами сомневающихся читателей, которым, наверно, с самого начала было очевидно, что ничего хорошего от этого парня ждать не стоит.

С помощью недомолвок и умолчаний и благодаря постоянному напряжению книга воссоздает невыносимо душную атмосферу отношений между мужчиной и женщиной, когда исчезает всякая объективная реальность вне этих отношений. Читателю кажется, что из комнаты постепенно выкачивают кислород.

Эта захватывающая и тревожная книга устроена просто — дела идут все хуже и хуже. Рассказчица все глубже погружается в пучину унижения и разочарования, все больше теряет индивидуальность, позволяя желанию и становящимся все более жестокими и оскорбительными капризам любовника подавить собственную нравственность и само ощущение себя как личности. Мы становимся свидетелями эпизода

с массажистом и истории с проституткой, которая специально нанята для того, чтобы превратить рассказчицу в некое подобие дешевой шлюхи; наряженную в немыслимый парик и лаковую мини-юбку «успешную бизнесвумен» заставляют признать, что удовольствие ее любовнику может доставить любая женщина, мало-мальски подкованная в вопросах секса. Однако рассказ об ограблении незнакомца – это, наверное, самый пугающий эпизод, потому что на сей раз жестокость коснулась невинного, доведенного до дрожи человека, которому не разъяснили правила игры.

В один из редких моментов рефлексии МакНилл допускает возможность того, что роман будет закручиваться все более тугой спиралью, выйдя из-под контроля, пока она не почувствует необходимость умереть, а у любовника не возникнет такой же острой потребности убить ее. Но подобная мысль появляется у нее лишь тогда, когда она видит собственную кровь во время очередного любовного акта, и в этот момент некий инстинкт самосохранения преодолевает власть желания, влечения и заканчивается истерикой. Взволнованный любовник (хотя нам предоставляют самим вообразить степень его беспокойства) везет рассказчицу в больницу. МакНилл уточняет с характерной для нее сдержанностью, что за этим следуют (в качестве финала романа) «несколько месяцев лечения».

Внезапное ощущение ужаса возникает, когда понимаешь, что повествование об экстремальной, патологической степе-

ни страсти – это, кажется, метафора крайности, до которой любая страсть может дойти. И именно в этом заключается главное достижение автора книги. Книга в не меньшей степени являет собой удивительное клиническое исследование, чем воспоминания о любовной связи, на которые она претендует. Захватывающее открытие, растворенность друг в друге, постепенное исчезновение внешнего мира и, наконец, мучительное возвращение к привычному состоянию – эта траектория знакома всем, кто пребывает в муках страстного романа, каким бы «нормальным» и «здоровым» он ни был.

Книга «Девять с половиной недель» производит такое же сильное впечатление, как и три десятилетия назад, когда была опубликована впервые. Она вызывающе откровенна и в то же время призвана предостеречь. Она рассказывает легенду о том, как легко интоксикация любовью и сексом может изменить наше представление о самих себе и заставить увидеть в совершенно ином свете человека, которым мы, по своим наивным и глупым предположениям, являлись.

Франсин Проуз

9½ недель

Мы с ним занимались любовью впервые, и он крепко держал мои руки над головой. Мне это нравилось. Мне нравился он. Он был угрюм, и на меня это производило впечатление – это казалось мне романтическим. Он был веселым, ярким, был интересным собеседником; умел доставлять мне удовольствие.

Во второй раз он поднял мой шарф, который я бросила на пол, раздеваясь, улыбнулся и сказал: «Можно я завяжу тебе глаза?» Никто раньше не завязывал мне глаза в постели, и мне это понравилось. Он начал нравиться мне еще сильнее после второй ночи, и утром, умываясь, я не могла сдержать улыбку: мне попался удивительно умелый любовник.

В третий раз он снова и снова останавливался, когда мгновение отделяло меня от оргазма. Я опять была близка к тому, чтобы потерять сознание, и услышала собственный голос, который взмыл над кроватью и взмолился, чтобы он продолжал. Он подчинился. Я начинала влюбляться.

В четвертый раз, когда я была уже достаточно возбуждена, чтобы не замечать происходящего вокруг, он тем же шарфом связал мне руки. В то утро он прислал тринадцать роз ко мне в офис.

Сейчас воскресенье, приближается конец мая. Днем мы

встретились с моей подругой, которая почти год назад уволилась из фирмы, в которой я работаю. К нашему обоюдному удивлению, в последние месяцы мы видимся чаще, чем когда работали вместе. Она живет в центре, и в том же районе проходит уличная ярмарка. Мы гуляем, останавливаемся возле прилавков, разговариваем, едим. Она купила старенькую, очень симпатичную серебряную коробочку для пилюль в лавке, где продавалась ветхая одежда, ветхие книги, разрозненный хлам с пометкой «антиквариат» и массивные полотна, изображавшие скорбящих женщин с потрескавшейся краской в уголках розовых губ.

Я пытаюсь решить, стоит ли пробираться полквартила в противоположном направлении к прилавку, где отыскала кружевную шаль, которую моя подруга назвала тряпьем. «И правда, тряпье, – громко говорю я ей в спину, надеясь перекрыть шум толпы. – Но представь – если ее отстирать и заштопать...» Она оглядывается через плечо, прикладывает ладонь к уху, показывает на женщину в огромном мужском костюме, которая с яростью колотит по барабанам; закатывает глаза, отворачивается. «Постирать и починить, – кричу я. – Как тебе кажется, стоит ее стирать? Думаю, я вернусь и куплю ее, у нее есть потенциал...» – «Тогда лучше вернуться, – произносит голос у меня над ухом, – и поскорее. Кто-то мог уже купить ее и постирать прежде, чем подруга услышит тебя в этом шуме».

Я поспешно оборачиваюсь и бросаю недовольный взгляд

на человека за моей спиной, затем снова пытаюсь докричаться до своей подруги. Но я в буквальном смысле застряла. Толпа, и без того еле передвигавшая ногами, окончательно замедлила ход. Прямо передо мной – дети не старше шести лет, все трое с подтаявшим мороженым, женщина справа размахивает палочками с небезопасным для меня энтузиазмом, а к барабанщице присоединился гитарист, и их слушатели застыли в восхищении, парализованные едой, свежим воздухом и хорошим расположением духа. «Эта ярмарка первая в этом сезоне, – произнес голос у меня над левым ухом. – Только здесь удастся побеседовать с незнакомцами, иначе зачем вообще сюда приходить? Я по-прежнему считаю, что нужно вернуться и купить, что бы это ни было».

Светит яркое солнце, хотя совершенно не чувствуется жары. Воздух пахнет нежно и тонко; небо прозрачно и чисто, как над маленьким городком где-нибудь в Миннесоте. Средний ребенок передо мной только что по очереди лизнул мороженое у каждого из своих друзей. Это самый прекрасный из всех возможных воскресных дней. «Всего лишь облезлая шаль, – говорю я. – Но все-таки тонкой ручной работы, а стоит четыре доллара – как в кино сходить, так что, думаю, куплю». Но путь назад закрыт. Мы стоим напротив друг друга и улыбаемся. На нем нет солнечных очков, он щурится. Волосы падают ему на лоб. Его лицо становится очень привлекательным, когда он говорит; и еще привлекательнее, когда улыбается. Он, наверное, ужасно получается на фотографии.

ях, думаю я, по крайней мере, если пытается делать серьезное лицо. На нем немного потрепанная бледно-розовая рубашка с закатанными рукавами; мешковатые штаны цвета хаки. «Как бы то ни было, похоже, он не гей», – думаю я. Эти штаны – один из признаков (хотя не очень надежный). И – теннисные туфли без носков. «Я провожу вас туда, – говорит он. – Вы не потеряете свою подругу, все это тянется на пару кварталов, не больше, вы рано или поздно встретитесь, если только, конечно, она не захочет совсем уйти». – «Не захочет, – говорю я. – Она живет недалеко отсюда». Он начал плечом прокладывать себе путь туда, откуда мы пришли, и, повернув голову, сказал: «Я тоже. Меня зовут...»

Сегодня четверг. Мы поужинали в ресторане в воскресенье и в понедельник, пообедали у меня дома во вторник, в среду поели мясной нарезки на вечеринке моей коллеги. Сегодня он пригласил меня на ужин к себе. Мы разговариваем на кухне, пока он режет салат. Он отказался от моей помощи, налил нам по бокалу вина и только успел спросить, есть ли у меня братья или сестры, как зазвонил его телефон. «Знаешь что, нет, – произносит он кому-то в ответ. – Нет, сейчас неудачное время, правда. Говорю же, эта херня может подождать до завтра... Во время долгой паузы он качает головой и делает мне выразительные гримасы. Неожиданно он взрывается: «Да господи боже! Ну *хорошо*, приходи. Но два часа, не больше, если не уложишься в два часа, то пусть идет

к черту, у меня есть планы на вечер...»

«Вот придурок, – стонет он, недовольно и глуповато – Хоть он уже исчез из моей жизни. С ним приятно выпить пива, но у нас с ним нет ничего общего, кроме того, что мы играем в теннис в одном и том же месте и работаем в одной фирме, а он постоянно не успевает и потом вынужден осваивать интенсивный курс, как в школе. Он не слишком умный и совершенная тряпка. Он зайдет в восемь – как обычно, какое-то дело, которое нужно было сделать две недели назад, и теперь он в панике. Мне ужасно жаль. Но я отведу тебя в спальню, посмотришь телевизор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.